

УДК 94(430) + 94(410)

РЕПАРАЦИОННЫЙ ВОПРОС В КОНТЕКСТЕ АНГЛО-ГЕРМАНСКИХ ОТНОШЕНИЙ 1924 – 1929 ГГ.*М. Н. Созонов***THE QUESTION OF REPARATIONS IN THE CONTEXT OF ANGLO-GERMAN RELATIONS IN 1924 – 1929***M. N. Sozonov*

Статья посвящена урегулированию репарационного вопроса в контексте англо-германских отношений второй половины 20-х гг. XX в. Цель статьи – описать основные вехи в решении проблемы репараций и обозначить причины пересмотра плана Дауэса. В статье также уделено внимание эволюции британской и немецкой политики в репарационном вопросе, роли отдельных политических деятелей в его урегулировании. Сделан вывод о сочетании экономических и политических причин ревизии плана Дауэса. В течение почти двух лет британское правительство выступало против ревизии «плана Дауса», надеясь продавить свою позицию по данному вопросу. Однако вследствие давления Союзников на Лондон и начала экономических затруднений в Германии, Британия в конечном счете пошла на компромисс.

The paper is devoted to the settlement of the question of reparations in the context of the relations between Germany and Britain in the second half of the 1920s. The paper aims at describing the main milestones in the solution of the problem of reparations and designating the reasons for the revision of the Dawes Plan. The paper also pays attention to the evolution of British and German policy in the reparations question, the role of particular political figures in its regulation. A conclusion is made about the combination of economical and political reasons for the revision of the Dawes Plan. For almost two years the British Government opposed that revision, hoping to force its position. Due to the pressure of the Allies on London and the beginning of Germany's economic difficulties, eventually Britain met Berlin and the Allies halfway.

Ключевые слова: репарации, план Дауэса, Великобритания, Веймарская республика, англо-германские отношения.

Keywords: reparations, Dawes Plan, Great Britain, Weimar Republic, Anglo-German relations.

Одной из центральных проблем международного развития межвоенного периода были репарационные выплаты Веймарской республики, тесно переплетенные с вопросами долгов дореволюционной России и стран Антанты друг другу. В той или иной степени эти проблемы касались 28 государств, включая США. Статус Соединенных Штатов за период Первой мировой войны изменился кардинально. Если до ее начала Америка была должником, то к окончанию мировой бойни США стали главным кредитором Союзников – Великобритании, Франции, Италии и Бельгии. После капитуляции Германии и ее союзником страны-должники предложили Вашингтону хотя бы частично списать задолженность, аргументируя свое предложение тем, что американские кредиты – это вклад США в общую победу, но поддержки не нашли. Проблему усугубляло то обстоятельство, что в стане Союзников, которые все быстрее становились бывшими, не было единства и в вопросе о германских репарациях. Франция рассматривала эту проблему как неразрывную составляющую всего комплекса международных отношений и полагала, что свои долги Великобритании и США она будет выплачивать из средств, взысканных с поверженной Германии. В Вашингтоне и особенно в Лондоне смотрели на проблемы иначе. Там заявляли: германские репарации – это отдельная проблема международных отношений. Одновременно англичане выступили против чрезмерного экономического давления на немцев. В обоснование своей позиции они приводили следующие аргументы: дальнейшее разорение Германии при помощи репараций мешает восстановлению Европы и чревато опасными политическими потрясениями в немецком государстве.

Вопрос репараций обсуждался в 1920 – 1923 гг. на 23 конференциях, среди которых выделялись Лондонские конференции, прошедшие в мае 1921 г., а также в августе и декабре 1922 г. В итоге страны-победительницы в Первой мировой войне, определив на Парижской мирной конференции в 1919 г. сумму германских платежей в 269 млрд зол. марок, снизили ее до 132 млрд зол. марок. Пятьдесят два процента от суммы должна была получить Франция, 22 % – Великобритания. Веймарская республика не отказывалась от выплат, но просила отложить их на пять лет. В Берлине указывали на невозможность выполнения условий Союзников. Великобритания была склонна поддержать немцев, но Франция требовала выплат сегодня и их гарантий в будущем. Ее представители заявляли: если Германия не будет платить, то Париж, как и предписывал Версальский договор, воспользуется правом эксплуатации германских шахт в Руре, должен будут получить контрольный пакет акций германских красильных фабрик на левобережье Рейна и т. п. США как решение спора предложили создать комитет независимых финансовых экспертов, который должен был оценить платежеспособность Веймарской Германии. Однако Франция не желала ждать итогов работы этой комиссии. 26 декабря 1922 г. она при поддержке Бельгии и Италии, не обращая внимания на протест Великобритании, объявила в Германии дефолт. Согласно Версальскому договору это давало Парижу право на оккупацию Рейнской зоны – промышленного сердца Веймарской республики. Одинадцатого января 1923 г. французские войска, поддержанные бельгийцами, вошли в Рур. Так начался Рурский кризис, поставивший Европу на грань новой войны и революции.

В события активно вмешались США и Великобритания. Итогом стала очередная Лондонская конференция (16 июля – 16 августа 1924 г.), на которой был рассмотрен план выплат германских репараций, разработанный комитетом экспертов и получивший название по имени его руководителя американского банкира Чарльза Дауэса. «План Дауэса» предусматривал: 1) сокращение абсолютного размера выплат; 2) ограничение санкций против Германии со стороны Франции; 3) установление ежегодного лимита платежей; 4) рекомендацию предоставления Германии кредитов; 5) вывод франко-бельгийских войск из Рура в течение года.

«План Дауэса» помимо решения важных экономических вопросов означал серьезное ослабление позиции Франции, укрепление положения Великобритании и рост влияния в европейских делах США.

Реакция на «план Дауэса» в самой Великобритании была неоднозначной. Первоначально в парламенте его поддерживали представители всех партий [5, с. 136]. Предполагалось, что восстановление германской экономики сможет возродить для британского экспорта достаточно емкий немецкий рынок. Однако по мере обсуждения проблемы возникли опасения касательно того, не составит ли возрождаемая германская промышленность конкуренцию Англии в европейской торговле.

В Берлине «план Дауэса» был принят с большим энтузиазмом, поскольку в политическом отношении давал германской стороне серьезный инструмент давления на союзников в деле постепенного ослабления «пут Версаля» и восстановления страны в статусе великой европейской державы [7, с. 81]. С другой стороны, план никогда не рассматривался как окончательный и неизменный вариант решения репарационного вопроса. Напротив, в среде германских политических и экономических элит зрела убежденность, что репарационный план должен быть подвергнут очередной ревизии в обозримом будущем [7, с. 81].

Примечательно, что схожей позиции придерживались и некоторые англо-американские представители на Лондонской конференции. Так, например, в письме британскому премьеру Джеймсу Рамсею Макдональду из Берлина от 18 августа посол Великобритании в немецкой столице лорд Эдгар Винсент Д'Абернон указывал, что «не дает плану Дауэса больше трех – четырех лет жизни» [6, с. 40].

Тридцатого августа 1924 г. «план Дауэса» был окончательно утвержден и 1 сентября вступил в силу.

Вторая половина 1924 г. не ознаменовалась какими-либо существенными подвижками в дальнейшем урегулировании репарационной проблемы. Имели место лишь незначительные коррективы. Так, 2 декабря 1924 г. был заключен англо-германский договор о торговле и мореплавании. Помимо всего прочего соглашение вносило некоторые изменения в репарационный вопрос: отныне изменялись размеры отчислений в фонд репараций от суммы германского ввоза в Англию [7, с. 82]. Через полгода после утверждения «плана Дауэса» в Париже другая конференция увеличила английскую долю в репарационных платежах с 22 % до 23,04 % за счет Бельгии [5, с. 136].

Тысяча девятьсот двадцать пятый год по праву можно считать годом гарантийного пакта и вопроса о разоружении. Репарационный вопрос же отошел на второй план. Но уже во второй половине 1926 г. он вновь вышел на авансцену дипломатической жизни Европы. 17 сентября в местечке Туари близ франко-швейцарской границы состоялась секретная встреча министра иностранных дел Франции Аристиды Бриана с его германским коллегой Густавом Штрэземаном [2, с. 155]. На встрече Г. Штрэземан поставил вопрос об окончательном определении суммы германского долга по «плану Дауэса» и полной его мобилизации, а в качестве условия последнего назвал необходимость скорейшего прекращения оккупации Рейнской области, назвав срок, – 30 сентября 1927 г. Возможную финансовую помощь Франции от мобилизации железнодорожных облигаций по «плану Дауэса» и выкупа Саарских рудников Штрэземан определил суммой в 1 млрд зол. марок [3].

А. Бриан, не желая давать каких-либо обещаний и гарантий, отвечал на предложения германского коллеги уклончиво. Тем не менее идея связать две проблемы (репараций и эвакуации Рейнской области), возникшая задолго до встречи, теперь вылилась в обсуждение на высшем государственном уровне. Периодически она проговаривалась в следующие два года после Туари, пока не приобрела в августе 1928 г. вид триады: репарации – эвакуация – военные долги [3].

Реакция Великобритании на свидание в Туари в целом была негативной. Уже 22 сентября 1926 г. британский дипломат Джон Грегори в частной беседе с германским коллегой Альбертом Дюфур-Феронсе дал понять: тот факт, что «Форин офис не был поставлен в известность о совещании Штрэземана-Бриана, несколько возмутил» руководство британской дипломатии, и оно выражает надежду на то, «что в рамках франко-германского диалога не будет принято каких-либо договоренностей, не укладывающихся в рамки плана Дауэса и Локарнских соглашений» [9, с. 240]. Во время следующей встречи, 29 сентября, Дюфур-Феронсе заверил Грегори, что «ни французская, ни немецкая сторона не имеют намерений о чем-либо договариваться за спиной у Великобритании» [8, с. 286].

Примерно в то же время, вечером 21 сентября 1926 г., Дюфур-Феронсе посетил редактор всемирно известной газеты «Times» и отметил, что «его газета приветствует и поддерживает германо-французское сближение как гарантию соблюдения мирного договора» [9, с. 239]. Иную позицию заняли руководители английского внешнеполитического ведомства. На состоявшемся 24 сентября 1926 г. совещании руководители отделов Форин офиса «выразили тревогу по поводу того, что бывший главный союзник и главный противник ведут переговоры по актуальным вопросам, которые, весьма вероятно, затрагивают интересы Великобритании, но при этом обе стороны не считают нужным... держать британское правительство в курсе дел» [9, с. 263]. Также было высказано опасение, что «дальнейший ход германо-французских переговоров без британского участия может поставить Великобри-

танию перед свершившимся фактом достигнутой между Парижем и Берлином договоренности» [9, s. 264].

Настороженность Лондона усиливало и неудачное выступление делегации Великобритании на сентябрьской сессии Лиги Наций в Женеве [9, s. 285].

Особое недовольство английских дипломатов и финансистов вызывала идея мобилизации железнодорожных облигаций с целью экономической поддержки Франции. Так, 27 сентября 1926 г. директор Английского банка Монтегю Норман в беседе с Дюфур-Феронса подверг эту инициативу резкой критике, отметив, что оказать посильную помощь французам можно и посредством англо-американских займов [9, s. 284].

Официальную позицию британского МИДа обозначил в разговоре с германским послом в Лондоне Фридрихом Штамером заместитель главы Форин офиса Уильям Тиррелл. В ходе встречи он дал понять, «что не считает возможным (как и руководство Форин офиса) использование железнодорожных облигаций для улучшения финансового положения Франции и ускорения вывода союзных войск из Рейнской области» [9, s. 306].

В первые дни октября 1926 г. усилилось давление на британское правительство со стороны Франции, Италии и Бельгии с «целью заставить его поддержать зачиненный в Туари план мобилизации государственных железнодорожных облигаций для урегулирования Рейнского и Саарского вопросов, а также помощи французским финансам» [9, s. 297]. Этот шаг союзников был весьма враждебно встречен в британском МИДе.

Сумятицы в действия английского министерства иностранных дел добавляло отсутствие в Лондоне его руководителя – Джозефа Остина Чемберлена, еще не вернувшегося к тому времени из тосканского Ливорно, где у него состоялась встреча с главой фашистской Италии Бенито Муссолини.

Сам Чемберлен еще до начала переговоров в Туари (о которых он был извещен предварительно, однако по какой-то причине не уведомил руководителей Форин офиса в Лондоне) занял выжидательную позицию, отметив в разговоре с Штресеманом 11 сентября 1926 г., что «тепло приветствует любое проявление взаимопонимания между Германией и Францией» [9, s. 325]. Однако касательно любых изменений «плана Дауэса» он сделал оговорку: «Англия определенно не согласится с каким бы то ни было решением, которое поставит Францию в привилегированное положение» [9, s. 325].

К середине октября 1926 г. напряженность в англо-германских отношениях удалось преодолеть. В сообщении от 11 октября, переданном Штресеманом Чемберлену через Ф. Штамера, германский министр иностранных дел клятвенно заверял своего английского визави, что если обсуждаемые в Туари вопросы когда-нибудь выйдут за рамки подготовительной стадии, то к их решению в будущем обязательно будут привлечены заинтересованные мировые державы. И в их числе, несомненно, будут Англия, Италия и Бельгия [9, s. 332].

Хотя напряжение в отношениях Лондона с Берлином и Парижем удалось снизить, позиция Великобри-

тания в вопросе использования железнодорожных облигаций для финансовой помощи Франции осталась неизменной – категорически отрицательной. Правда, О. Чемберлен обещал Ф. Штамеру, что эту проблему детально рассмотрят в Форин офисе и предложат свой вариант ее решения [9, s. 337].

Итак, Великобритания крайне болезненно реагировала на любые попытки французов оспорить ее статус главного актора в европейских делах. 14 октября в разговоре с Штамером, посвященном итогам встречи в Ливорно и перспективам франко-германского диалога, Чемберлен несколько раз подчеркнул, что «положение, при котором Франция займет место доминирующей силы в Европе, абсолютно неприемлемо как для Англии, так и для других государств» [8, s. 337]. Кроме того, англичан пугала возможность дальнейшего франко-германского сближения. Вероятность (пусть и довольно малая) создания блока двух сильнейших континентальных держав ставила под угрозу реализацию доктрины «баланса сил» и подрывала позиции британцев в Европе.

Идея мобилизации железнодорожных облигаций с целью финансовой помощи Франции не было суждено осуществиться. В конце 1926 г. не без давления со стороны Соединенных Штатов так называемый «план Туари» был окончательно отвергнут [16, s. 77].

В начале следующего, 1927 г., участились обвинения в подтасовке данных о бюджете Веймарской республики, адресованные немецкому правительству со стороны ряда политических деятелей Франции и Великобритании. Во время личной встречи 10 марта 1927 г. в ответ на жалобы рейхсканцлера Вильгельма Маркса о несправедливых обвинениях Германии генеральный агент по репарациям Паркер Джильберт заверил собеседника, что «он и американское правительство всецело доверяют канцлеру, его политике и деятельности его кабинета... А сомнения зарубежных аналитиков по поводу финансовой деятельности немецкого правительства совершенно беспочвенны» [8, s. 615 – 617].

Широкий общественный резонанс вызвала публикация меморандума П. Джильберта от 24 октября 1927 г., обращенного к немецкому правительству. Генеральный агент по репарациям предупреждал о растущем уровне внешней задолженности немецких государственных органов, особенно на уровне региональных и местных правительств. Он указывал, что кредиторы и иностранные банкиры были готовы мириться с растущей внешней задолженностью частных немецких компаний, но не органов государственной власти. Рост внешнего долга в государственном секторе, по мнению Джильберта, являлся потенциально дестабилизирующим фактором и, следовательно, угрожал всем будущим иностранным инвестициям, в том числе в частном секторе [14, p. 135].

По сообщениям Штамера, в связи с этой публикацией в английской прессе резко возрос интерес к репарационной проблеме. При этом общественное мнение Великобритании в большинстве своем встало на сторону Германии [10, s. 218]. Схожую позицию заняли и ведущие экономические аналитики Англии, а также Монтегю Норман, директор Банка Англии [10, s. 255]. Лишь немногие газеты («Financial News» и

«Morning Post») обвинили немецкую сторону в попытках саботажа реализации «плана Дауэса» посредством намеренной аккумуляции внешнего долга [10, с. 219].

К 1927/28 финансовому году по мере роста тяжести репарационного бремени для государственного бюджета в Веймарской Германии все чаще стали раздаваться голоса за пересмотр репарационных обязательств. В результате Союзники пошли на некоторые уступки. В частности, была достигнута договоренность о передаче репарационного вопроса и вопроса о Рейнской области на рассмотрение Лиги Наций [7, с. 105]. Это был крупный успех немецкой дипломатии. Отныне Германия получала возможность самой участвовать в обсуждении интересующих ее вопросов на самом высшем уровне.

Весной 1928 г. вновь обострилась дискуссия вокруг идеи связать репарации с военными долгами. Главным апологетом ее осуществления была Великобритания, которая на фоне серьезных экономических затруднений в стране все более зависела в вопросе погашения внешних долгов (прежде всего, перед США) от стабильности репарационных выплат. Соединенные Штаты, как и прежде, выступали категорически против этой инициативы.

В конце марта 1928 г. в Лондоне состоялась встреча П. Джилберта с Уинстоном Черчиллем, канцлером казначейства в кабинете Стэнли Болдуина, и М. Норманом. Генеральный агент по репарациям изложил англичанам позицию правительства США и американского общественного мнения, согласно которой «проблемы межсоюзнических долгов и репараций никак не связаны друг с другом. И потому – поскольку проблема репараций со всей очевидностью нуждается в новом прочтении – необходима ревизия плана Дауэса» [11, с. 455]. В ответ англичане вспомнили о «ноте Бальфура» от 1 августа 1922 г. и указали на незыблемость ее положений. В этом документе Великобритания в обращении ко всем должникам заявляла о готовности пойти на любое снижение долгов, но при сохранении одного условия – получаемая Лондоном от должников сумма должна соответствовать сумме, которую сама Англия должна Америке [1].

Кроме англичан П. Джилберт встречался с французами. Позже он на встрече с представителями прессы заявил, что «ему уже удалось достичь взаимопонимания с французами, и Пуанкаре (*премьер-министр Франции в 1922 – 1924 г. и 1926 – 1929 гг.* – М. С.) смирился с мыслью о необходимости пересмотра репарационного вопроса» [13, с. 455]. Он также открыто заявил, что «если Англия и дальше будет упорствовать, то под давлением единого фронта Америки, Германии и Франции, ей все равно придется уступить» [11, с. 456].

Великобритания, таким образом, выступила главным противником ревизии «плана Дауэса». Что неудивительно – осуществление пересмотра репарационного вопроса, проведенного под эгидой США, ставило под удар и без того пошатнувшиеся позиции Англии в Европе. К тому же перспектива остаться один на один с необходимостью выплаты солидного

внешнего долга не могла не смущать британских политических деятелей и экономических аналитиков.

В мае 1928 г. еще одним камнем преткновения в англо-германских отношениях стало требование британского правительства распространить сферу действия так называемого репарационного акта, принятого в 1921 г. Согласно акту, все ввозимые в Великобританию немецкие товары облагались 26 % репарационной пошлиной. Их сумма была уменьшена в рамках заключенного в декабре 1924 г. договора о торговле между Германией и Англией [17, р. 151] на территорию всей Британской империи, что вызвало недовольство Германии.

Весной 1928 г. Ф. Штамер в беседе с британским послом в Берлине Рональдом Линдсеем, выражая позицию немецкого правительства, заметил, что «его руководство имеет серьезные опасения по поводу возможных негативных последствий изменения репарационного акта для германской внешней торговли» [12, с. 81], и что «мотивы англичан ему совершенно непонятны» [12, с. 80]. Р. Линдсей в ответ попросил германского посла пока не поднимать шума вокруг этого проекта, поскольку тот находится лишь на стадии обсуждения.

К лету 1928 г. позиция Великобритании касательно пересмотра репарационного вопроса оставалась прежней. Более того, как отмечал Ф. Штамер в своем донесении от 26 июня, в Лондоне росла убежденность в том, определение окончательной суммы репараций, на чем настаивает германская сторона, должны осуществляться с оглядкой на межсоюзнические долги [12, с. 238]. По наблюдениям немецкого дипломата, труднее всего было сломить сопротивление министерства финансов во главе с Черчиллем, выступившим резко против ревизии «плана Дауэса» [12, с. 239]. Кроме того, германский посол рекомендовал Берлину не торопить события до тех пор, пока не закончится первый финансовый период (переходный) в реализации «плана Дауэса» (т. е. до осени 1929 г.) [12, с. 240].

3 июля 1928 г. в своем правительственном заявлении о внешней политике новый рейхсканцлер Веймарской республики социал-демократ Герман Мюллер поставил вопрос о необходимости вывода всех союзнических войск из Рейнской области и «окончательного решения» вопроса о репарациях [4, с. 237]. В результате к концу лета 1928 г. окончательно оформилась триада: репарации – эвакуация – военные долги. 16 сентября между делегациями Великобритании, Франции, Англии, Бельгии, Италии и Японии было согласовано коммюнике «по вопросу о дальнейшем направлении репарационной проблемы». Было решено начать широкие переговоры о пересмотре «плана Дауэса» и новом урегулировании репарационной проблемы. Таким образом, германской дипломатии удалось вновь добиться некоторых уступок со стороны Союзников [7, с. 107].

В середине октября 1928 г. Джилберт посетил в Лондоне Болдуина и Черчилля. По итогам встречи британский премьер обещал, что в скором времени его кабинет приступит к рассмотрению репарационного вопроса. Тем не менее, как отмечал советник германского посольства в Великобритании Ганс-Генрих Дикхоф, «Черчилля до конца убедить не уда-

лось. А следовательно, сопротивление министерства финансов еще не полностью преодолено, и нельзя сбрасывать его со счетов» [13, s. 181].

Ни Великобритания, ни Франция не желали выступать застрельщиками обсуждения репарационного вопроса, стремясь «перекинуть» инициативу Веймарской Германии. Однако, по мнению Г.-Г. Дикхофа, наиболее предпочтительным для Берлина был бы такой вариант развития событий, когда «инициатива исходила бы либо от всех Союзников сразу, либо от французов, поскольку именно они были заинтересованы в скорейшем разрешении репарационного вопроса» [13, s. 181]. Того же мнения придерживался и Ф. Штамер [12, s. 240]. Но в итоге первый шаг все равно пришлось вновь сделать немцам. В конце октября 1928 г. Веймарская республика в очередной раз поставила вопросы досрочной эвакуации союзнических войск из Рейнской области и пересмотра репарационной проблемы. В ответ Англия и Франция вновь подтвердили свое согласие на рассмотрение обоих вопросов. В связи с этим в течение последующих полутора месяцев развернулось обсуждение конкретных решений, реализующих достигнутые договоренности на практике. В частности, острые дебаты велись по проблеме границ компетенции комитета экспертов по вопросу о репарациях. Англичане настаивали на том, чтобы функции комитета сводились лишь к изучению платежеспособности Германии, в то время как германская сторона предполагала наделить его правом обсуждения максимально широкого круга вопросов без каких-либо ограничений [13, s. 253].

5 ноября 1928 г. состоялась встреча Дикхофа с заместителем контроллера финансов в британском казначействе Фредериком Лайт-Россом, в ходе которой была обозначена официальная английская позиция по ряду вопросов, связанных с формированием и деятельностью комитета, точнее, с его составом, количеством делегатов и сроком функционирования. Британцы были согласны с привлечением американской стороны. Кроме того, Великобритания априори признавала все решения комитета экспертов [13, s. 273 – 274].

Наконец, к середине декабря 1928 г. удалось достигнуть консенсуса, и уже 22 декабря было объявлено

об учреждении комитета экспертов по вопросу о репарациях [7, с. 107].

После небольшой подготовительной работы комитет начал свою работу в Париже 11 февраля 1929 г. Результатом его деятельности стало появление на свет второго плана репарационных выплат Германии – «плана Юнга», который будет действовать совсем недолго и уже в июле 1932 г. последует его официальная отмена. Репарации Германия в итоге выплатит, но уже спустя долгие семьдесят лет. Но это уже будет совсем другая страна и другое время.

Так или иначе, логика развития репарационного вопроса объективно вела к ревизии «плана Дауэса». Тезис Генерального агента по репарациям П. Джильберта о неплатежеспособности Веймарской республики в некотором роде соответствовал истине: пока значительная часть ежегодных репарационных выплат покрывалась международными займами и иностранными инвестициями, немцы без труда справлялись со своими репарационными обязательствами. По «плану Дауэса» Германия получила займов на сумму около 30 млрд золотых марок. Выплатила же она за время действия этого плана в счет репараций всего 8 млрд марок. Но «золотые двадцатые» были уже на излете, а кризис стоял на пороге.

Значительную роль в ревизии «плана Дауэса» сыграл и политический фактор. В 1924 г. для разоренной и обескровленной Германии первый репарационный план стал подарком судьбы. К концу 1920-х гг. Веймарская республика уже восстановила статус сильной европейской державы и все чаще стала заявлять на международной арене о равных правах с Великобританией, Францией и США. Эти страны, имея друг с другом не простые отношения и опасаясь, что кто-то из них может усилить свои позиции союзом с набиравшим силу Берлином, предпочитали уступать Германии и не обострять ситуацию. Для Великобритании к концу 1920-х гг. проблема усугублялась тем, что в условиях, когда остальные акторы мировой политики единодушно выступили за ревизию «плана Дауэса», она могла оказаться в политической изоляции. Причем решение о пересмотре «плана» вполне могло состояться без участия Лондона, а на это англичане пойти не могли.

Литература

1. Дипломатический словарь. М.: Госполитиздат, 1948. 926 с.
2. Никонова С. В. Германия и Англия от Локарно до Лозанны. М.: Наука, 1966. 344 с.
3. Пуанкаре. Разное отношение к Германскому вопросу [пер. с фр.]. // История Франции: сайт. Режим доступа: <http://акцентуация.рф/archives/1163> (дата обращения: 13.03.2014).
4. Руге В. Гинденбург: портрет германского милитариста / авториз. пер. с нем. Г. Рудого. М.: Мысль, 1981. 429 с.
5. Трухановский В. Г. Внешняя политика Великобритании на первом этапе общего кризиса капитализма (1918 – 1939 гг.). М.: Наука, 1962. 411 с.
6. Турок В. М. Локарно. М.-Л.: АН СССР, 1949. 268 с.
7. Ушаков В. Б. Внешняя политика Германии в период Веймарской республики. М.: Международные отношения, 1959. 158 с.
8. Akten der Reichskanzlei. Weimarer Republik – Das Kabinett Marx III/IV / Band 1 / Dokumente / Nr. 197 Aufzeichnung des Reichskanzlers über seine Besprechung mit dem Generalagenten für Reparationszahlungen Gilbert am 10. März 1927, S. 615 – 617. Режим доступа: http://www.bundesarchiv.de/aktenreichskanzlei/1919-1933/10a/ma3/ma31p/kap1_2/para2_197.html (дата посещения: 16.04.2014).
9. Akten zur deutschen Auswärtigen Politik (1918 – 1945). Serie B: 1925 – 1933. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1967. Band I.2. 712 s.

10. Akten zur deutschen Auswartigen Politik (1918 – 1945). Serie B: 1925 – 1933. Gottingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1974. Band VII. 660 s.
11. Akten zur deutschen Auswartigen Politik (1918 – 1945). Serie B: 1925 – 1933. Gottingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1976. Band VIII. 589 s.
12. Akten zur deutschen Auswartigen Politik (1918 – 1945). Serie B: 1925 – 1933. Gottingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1976. Band IX. 694 s.
13. Akten zur deutschen Auswartigen Politik (1918 – 1945). Serie B: 1925 – 1933. Gottingen, 1977: Vandenhoeck & Ruprecht. Band X. 647 s.
14. Herrigel G. Industrial Constructions: The Sources of German Industrial Power. Cambridge: at the Univ. Press, 1996. 482 p.
15. Orde A. British Policy and European Reconstruction After the First World War. Cambridge: at the Univ. Press, 1990. 359 p.
16. Pohl K. H. Politiker und Bürger: Gustav Stresemann und seine Zeit. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2002. 311 s.

Информация об авторе:

Созонов Михаил Николаевич – аспирант исторического факультета Ивановского государственного университета, spectr6@gmail.com.

Mikhail N. Sozonov – postgraduate student at the Faculty of History, Ivanovo State University.

(Научный руководитель: Черноперов Василий Львович – доктор исторических наук, заведующий кафедрой всеобщей истории и международных отношений Ивановского государственного университета, vlchernoperov@rambler.ru.

Academic advisor: Vasiliy L. Chernoperov – Dr. of History, Head of the Department of World History and International Relations, Ivanovo State University).

Статья поступила в редколлегию 04.06.2015 г.